

«Пьяный всегда твердит, что трезв», — сказал Ли Цзин, но всё же сделал несколько шагов вперёд и сел напротив Ли Гуаньцзина. — «Разве церемония совершеннолетия — такой уж повод для радости?»

«Гм... а разве это не праздник?..»

«Мужчина, будучи отроком, жениться может лишь после обряда шапки. Ты из-за этого ликуешь?»

Ли Гуаньцзин почувствовал, что, пожалуй, и вправду изрядно набрался. Ему потребовалось время, чтобы понять, что имеет в виду Ли Цзин. Поняв же, он без колебаний покачал головой: «Я ещё не встретил человека, который мне по сердцу. Жениться не хочу».

Ли Цзин, словно невзначай, пошутил: «А я-то думал, ты мужчин любишь, вот и не торопишься со свадьбой!»

Ли Гуаньцзин явно опешил.

Ли Цзин приподнял бровь: «Я тебя задел?»

«А? О, нет», — серьёзно ответил Ли Гуаньцзин. — «Чувства рождаются в сердце. Для меня пол — не преграда. И любовь к своему полу я грехом не считаю. Но, если честно, о такой возможности я не задумывался. И сейчас, поразмыслив, вряд ли... Все, к кому я прежде питал склонность, были женщинами».

Ли Цзин кивнул и замолчал.

Ли Гуаньцзин разлёгся поудобнее и проворчал: «Вот ты да, в такой прекрасный день опять за своё — женить меня».

«Я не тороплю тебя», — сказал Ли Цзин, опустив голову. Голос его понизился, став почти шёпотом. — «А-Цзин... Разве стал бы я тебя торопить?»

Авторское примечание:

«В сей прекрасный день, в сей благой час, впервые возлагаем шапку совершеннолетия. Оставь младенческие помыслы, последуй добродетели зрелой. Да будут лета долги, да снизойдёт на тебя великое благо!» — «Речения при обряде шапки для служилого человека»

«Цзинтянь» взято из стихотворения Ду Му «Осенний вид на Чанъань»: «Башня вознёсся за инеем покрытый лес, в зеркале неба — ни пылинки, ни завес».

«Мужчина, будучи отроком, жениться может лишь после обряда шапки». — «Объяснение „Книги ритуалов“ в зале Белого тигра»

Ли Гуаньцзин не помнил, когда уснул. Перед сном сознание его мутилось, но в сновидении он обрёл странную ясность — настолько, что, пробудившись, сердце всё ещё бешено колотилось, словно это был не сон, а пережитое наяву.

Снился ливень. Ли Гуаньцзин стоял у подножия горы. Впереди мелькали отблески огня и стали. Он пытался подойти ближе, но ноги будто вязли в трясине, и каждый шаг давался с невероятным трудом. Когда же он наконец приблизился, то увидел, что все уже лежат ниц. Ли

Гуаньцзин в ужасе взирал на кровавое побоище, но победившие разбойники не унимались. С дикими криками они добивали каждого, пока окровавленное подножье горы не погрузилось в мертвенную тишину. Ли Гуаньцзин хотел броситься прочь, позвать на помощь, но ступни будто приросли к земле. Он не мог даже повернуться, вынужденный взирать на этот ад. Спустя мгновение из груды тел вынырнула маленькая рука, отодвинула окровавленную конечность, и наружу выбрался ребёнок. Мальчик, весь в крови, растерянно озирался. Дождь смывал её с его лица, и когда он повернулся, Ли Гуаньцзин ахнул — в чертах угадывался Ду Фуюнь! Ли Гуаньцзин хотел крикнуть, позвать его к себе, хотел броситься вперёд, схватить и унести прочь, подальше от этого кошмара. Но он был бессилён. Он лишь смотрел, как ребёнок вглядывается в темноту, а вернувшийся атаман разбойников наносит последний, решительный удар.

На этом кошмар оборвался.

Как говорится, о чём думаешь днём, то и снится ночью. Ли Гуаньцзин решил, что слова Ли Цзина подействовали на него, потому и приснилась такая картина. Он поднялся, отпил воды, покачал головой и пробормотал себе под нос: «Сны — наоборот. Ду Фуюнь жив-здоров!»

Несмотря на это, отправляясь на службу, он под благовидным предлогом заглянул в Академию Чунвэнь. Лишь издали увидев Ду Фуюня, как обычно сидящего у окна, он по-настоящему успокоился и вернулся к делам.

До отъезда в Цзяннань оставалось меньше десяти дней, и последние дни Ли Гуаньцзин вертелся как белка в колесе. В редкие свободные минуты приходилось ещё и обдумывать, кого из слуг взять с собой. Си Фэн, разумеется, едет. А вот с Инь Ванцюанем возникла загвоздка. Ли Гуаньцзин послал людей навести справки возле дома Чэнов и узнал, что не так давно между Инь Ванцюанем и его супругой грянула крупная ссора. Тогда Инь Ванцюань, вне себя от гнева, покинул дом — видимо, как раз тогда Чэн Сысы и нагрянула в резиденцию князя. Потом они помирились, и Чэн Сысы на несколько дней стала кроткой овечкой, но вскоре вновь показала когти — в последние дни держала мужа в ежовых рукавицах, и конфликт вновь готов был вот-вот вспыхнуть.

В такой ситуации, узнай Чэн Сысы, что Инь Ванцюань собирается покинуть Чанъань, она ни за что не согласится. Но Ли Гуаньцзин уже дал слово и не мог бросить Инь Ванцюаня. Пока он ломал голову, как найти выход, Чэн Сысы вновь дала о себе знать.

Возможно, прошлое предостережение Чэнь Кэ возымело действие — на сей раз она не стала перехватывать его на дороге, а приставила слугу караулить у ворот дворца. Тот прождал несколько дней и, наконец, увидев, как Ли Гуаньцзин и Чэнь Кэ выходят вместе, поспешил навстречу: «Господин Ли, сын князя! Пожалуйста, остановитесь! Я из дома Чэн, принёс вам письмо!»

Ли Гуаньцзин осадил коня и кивнул Чэнь Кэ. Тот принял письмо. Слуга поклонился и удалился. Озадаченный, Ли Гуаньцзин вскрыл конверт. Прочитав содержание, он нахмурился: «Ванцюань вчера не ночевал дома?»

«Кажется, нет. За завтраком я его видел», — ответил Чэнь Кэ, безуспешно пытаясь заглянуть в письмо. — «Что случилось? Госпожа Чэн снова потеряла своего супруга?»

«Она зовёт нас в дом Чэн», — сказал Ли Гуаньцзин, складывая письмо и игнорируя округлившиеся от изумления глаза Чэнь Кэ. — «Сначала домой, заберём Ванцюаня, и вместе отправимся. Как раз мне нужно поговорить с госпожой Чэн с глазу на глаз».

Чэнь Кэ замялся: «Э-э-э... Господин, а нам-то зачем? Неловко как-то...»

«Потому и берём Ванцюаня. Быстрее! Я с тобой не поеду. Дом Чэнов в квартале Баонин, я подожду у ворот квартала».

Чэнь Кэ повиновался и ускакал. Ли Гуаньцзин ехал некоторое время в одиночестве, как вдруг услышал сзади приближающийся топот копыт. Он отъехал к обочине и обернулся — это был Ду Фуюнь, поравнявшийся с ним.

«Цзинтянь, куда путь держишь?» — спросил Ду Фуюнь.

Прежде Ду Фуюнь неизменно обращался к нему «господин Ли», и сегодняшнее обращение по взрослому имени на мгновение озадачило Ли Гуаньцзина. Он про себя сообразил, что с той их последней, невесёлой встречи под дождём они ни разу не общались по-настоящему. Сегодня же Ли Гуаньцзин из-за кошмара тайком наведалься взглянуть на Ду Фуюня, и вот тот сам его нагнал. Непроизвольная робость охватила его. Он слегка кашлянул, собираясь с духом, и ответил: «Дела на юге. А что?»

«Сегодня я заходил в Министерство работ узнать о маршруте поездки в Цзяннань. Мне сказали, что этим занимаешься ты. Осмелюсь спросить — могу я взглянуть на план пути?»

Хотя Ли Гуаньцзин и не бывал в Цзяннани, но, поскольку удельные земли резиденции князя Юйхана находились там, а в Цяньтане имелась усадьба, Янь Лимин, известный своей скупостью, не преминул воспользоваться случаем и поручил Ли Гуаньцзину согласовать с Министерством доходов вопросы размещения и работы чиновников по пути. Князь Юйхан, узнав об этом, естественно, оказал полное содействие, особенно в части размещения многих столичных чиновников по прибытии в Цзяннань. Однако на руках у Ли Гуаньцзина плана сейчас не было — он только сегодня отправил его на проверку Янь Лимину. Так он и ответил Ду Фуюню, а затем спросил: «А зачем тебе?»

«Недавно в Чанъань явились люди из Инчжоу и ударили в "дэнвэньгу" — барабан жалоб. Наследный принц проявил к этому делу живой интерес и поручил мне по пути навести справки».

«Инчжоу? Кажется, мы туда не заезжаем». Видя, что Ду Фуюнь говорит прямо, Ли Гуаньцзин подумал, что дело, видимо, несекретное, и потому предложил: «Ладно. Завтра спрошу у помощника министра Яня, нельзя ли маршрут подкорректировать. Всё равно это те края, думаю, проблем не будет».

Ду Фуюнь мягко произнёс: «Благодарю. Но прошу пока сохранить это в тайне».

Слова эти удивили Ли Гуаньцзина. Он не ожидал, что дело, о котором Ду Фуюнь говорит так буднично, касается тайных поручений наследного принца. Они говорили негромко, на улице же было шумно, так что вряд ли кто подслушал. Но Ли Гуаньцзин всё же не мог понять, зачем Ду Фуюнь ему всё это рассказывает. Он лишь кивнул: «Хорошо. Никому не скажу».

Ду Фуюнь кивнул в ответ. Помолчав, он добавил: «Только что у ворот дворца я, кажется, видел, как слуга Чэн Фэна передал тебе письмо».